

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (Рассуждения о теории нравственного государства С.Н. Бабурина)

© 2022 г. Н. В. Мамитова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: nvmamitova@mail.ru

Поступила в редакцию 04.04.2022 г.

Аннотация. Автор настоящей статьи продолжает дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Государство и право» по поводу монографического исследования профессора С.Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма». В статье рассматриваются аспекты, связанные с нравственными и национально-культурными ценностями конституционализма. Исследование проводится в исторической ретроспективе, затрагивающей идеи формирования конституционализма, формирования конституционного правосознания, становления конституционных институтов. В статье поднимается ряд проблем, связанных с конституционной реформой 2020 года, становления новой конституционной модели, отражающей государственно-национальную идентичность, формирования цифрового общества.

Ключевые слова: конституционализм, государство, право, нравственность, социум, общество, власть, конституция, правосознание, ценность.

Цитирование: Мамитова Н. В. Нравственные ценности конституционализма: историческая ретроспектива и современная реальность (Рассуждения о теории нравственного государства С.Н. Бабурина) // Государство и право. 2022. № 10. С. 63–70.

DOI: 10.31857/S102694520019504-5

MORAL VALUES OF CONSTITUTIONALISM: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERN REALITY (Reflections on the theory of the moral state by S.N. Baburin)

© 2022 N. V. Mamitova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow*

E-mail: nvmamitova@mail.ru

Received 04.04.2022

Abstract. The author of this article continues the discussion that unfolded on the pages of the journal “State and Law” about the monographic study of Professor S.N. Baburin “The Moral State: A Russian perspective on the values of constitutionalism”. The article deals with aspects related to the moral and national-cultural values of constitutionalism. The study is conducted in a historical retrospective, affecting the ideas of the formation of constitutionalism, the formation of constitutional legal consciousness, the formation of constitutional institutions. The article raises a number of modern issues related to the constitutional reform of 2020, the formation of a new constitutional model that reflects the state-national identity, the formation of a digital society.

Key words: constitutionalism, state, law, morality, society, society, power, constitution, sense of justice, value.

For citation: Mamitova, N.V. (2022). Moral values of constitutionalism: historical retrospective and modern reality (reflections on the theory of the moral state by S.N. Baburin) // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 10, pp. 63–70.

Нравственная сила, как и мысль, безгранична.
О. Бальзак

Поиск сущности нравственных ценностей и идеалов известен человечеству еще с древности¹. Причем этот поиск был присущ как отдельно взятому индивидууму, так и крупным социальным общностям. Не прекращается этот поиск и сегодня. В связи с этим заслуживает особого внимания фундаментальный труд д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ С.Н. Бабурина, посвященный теории нравственного государства². В рамках предлагаемой на страницах журнала «Государство и право» дискуссии³ хотелось бы высказать некоторые идеи и соображения по тем жизненно важным и концептуальным вопросам, которые затронул автор в своей монографии «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма».

Главной особенностью и одним из многочисленных научных достоинств монографии С.Н. Бабурина представляется ее междисциплинарный характер. Автор затрагивает проблемы, связанные не только с философией государства, философией права, но и философией конституционализма, рассматривая последнюю через призму аксиологических знаний в исторической ретроспективе. Автор проанализировал различные теории права и государства, начиная со времен Древней Греции до современных концепций, иллюстрируя их платоновской идеей о благе, относящейся прежде всего к душе; гегелевской идеей разумности; кантовскому нравственному категорическому императиву; чичеринской идеей нравственного государства, представляющей высшее сочетание свободы с разумным порядком; современной идеей конституционной идентичности государств. Весьма интересным является тот факт, что все представленные теории и концепции автор выстраивает в единую, логическую систему, стержень которой усматривается в цивилизационном принципе «единства культурно-исторических ценностей во времени существования нации» (с. 36) и закономерностях их развития. В то же время проф. С.Н. Бабурин настаивает на том, что «в России конституционализм зародился как результат революционизации русского общества в Новое время, как попытка в ответ на стихию русского бунта создать механизм эволюционного разрешения внутренних противоречий общества» (с. 136). Не оспаривая данный

тезис, позволим себе заметить, что рассмотрению понятия «российский конституционализм» посвящается достаточно большое количество монографических исследований и научных статей, где авторы по-разному интерпретируют данный термин⁴. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что придерживаемся понимания российского конституционализма как многогранного политико-правового явления, отражающегося во взаимозависимом сочетании конституционной идеологии, конституционной теории и конституционной практики развития российской государственности⁵. В то же время в юридических исследованиях нет единого взгляда на исторические этапы развития конституционализма в России и на точную хронологию зарождения этого явления. Но в любом случае, безусловно, понимание истории развития конституционализма в России, т.е. его прошлого, необходимо.

Порассуждаем о соотношении современности и конституционного прошлого и настоящего Российского государства. Изучение не только юридических, но и исторических, философских, политологических источников, позволяет сформулировать вывод о трех основных концепциях, которые возникли в качестве конструирования общественно-политической жизни, особенно в сложные и неоднозначные периоды развития России, а именно:

первая концепция связана с пониманием современного конституционализма как воплощения прошлого, связанного с необходимостью опоры на традиционные порядки, институты, ценности;

вторая концепция рассматривает современный конституционализм как преодоление прошлого. И тогда на авансцену событий выходят абсолютно новые, иногда даже противоположные подходы понимания конституционного развития общества;

и наконец, третья концепция интерпретирует современный конституционализм как новую реальность, формирующуюся на основе социальных идей и потребностей, отвечающих чаще заимствованным нравственным принципам и ценностям.

Какой же концепции придерживается автор исследуемой монографии? Прежде всего С.Н. Бабурин отмечает, что ситуация с ценностями в конституционализме более чем принципиальная и непосредственная связь между нравственным сознанием нации и особенностями государства прямо воплощается в механизмы конституционализма (с. 138). Оригинальным представляется взгляд С.Н. Бабурина на рецепцию римского права в российский конституционализм, воплощающийся в идеях и институтах римского публичного права, перекликающихся с христианскими и русскими национальными духовно-нравственными ценностями, в частности формула справедливости (с. 142). В связи с этим вспомним монографию проф. Г.В. Мальцева «Социальная справедливость и право», посвященную анализу социальной справедливости и права в широком социально-историческом контексте. Особо подчеркнув вклад автора в теорию социальной справедливости, следует

¹ См.: Платон. Собр. соч. Т. 1 «Государство». М., 1971; *Его же*. Соч.: в 3 т. «Апология Сократа». М., 1968; Исторические силуэты. Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. Ростов н/Д., 1998; *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000; *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1978; и др.

² См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020.

³ См.: *Рагимов И.М.* Современная диалектика государства и нравственности С.Н. Бабурина. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма // *Государство и право*. 2020. № 12. С. 106–111; *Керимов А.Д.* Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина // *Государство и право*. 2022. № 1. С. 98–109; *Станкевич З.А.* Нравственное государство или все-таки новая теократия? Poleмические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности // *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 2. С. 238–245; и др.

⁴ См.: *Мамитова Н.В.* Теория российского конституционализма: теория и современность. М., 2005; *Кравец И.А.* Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М., 2002; *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020; и др.

⁵ См.: *Мамитова Н.В.* Указ. соч.

отметить, что Г.В. Мальцев определяет ее как комплексную систему, действующую в рамках общественно-экономической формации⁶. Не можем не согласиться и полностью поддерживаем идею проф. С.Н. Бабурина о том, что именно «идея справедливости, положенная в основу нравственного государства, удерживает не только баланс интересов различных классов и групп в обществе, но и является основой конструирования социальной солидарности, укрепляет единство и взаимопонимание между нацией и государством» (с. 240).

Признавая цивилизационную социальную ценность институтов и принципов римского права для современного российского конституционализма, обращаем внимание на его самобытный характер, рассмотрев предысторию и истоки формирования конституционно-правовых институтов и норм в России.

Самой ранней по времени из дошедших до нас записей норм древнерусского права является договор Руси с Византией, заключенный в 911 г. Киевским князем Олегом с византийскими императорами⁷. В нем неоднократно упоминается «закон русский». Этим термином обозначается устное обычное право, действовавшее в рамках древнерусского общества и представлявшее собой совокупность правовых обычаев, носивших весьма устойчивый характер. Русская юриспруденция была тесно связана в своем становлении и развитии с русской народной культурой, так как правовые тексты здесь мало чем отличались от текстов фольклорных. Воздействие византийской юриспруденции на русскую было не таким глубоким и всеобъемлющим, каким являлось влияние на средневековую западноевропейскую юриспруденцию элементов правовой культуры Древнего Рима. В эпоху же, предшествовавшую принятию политической элитой древнерусского общества христианской религии, воздействие правовой культуры Византии на русскую правовую культуру было минимальным. Оно распространялось разве что на внешнюю форму правовых актов, на их структуру, расположение правового материала. Содержание же правовых норм более соответствовало «закону русскому», т.е. обычному праву древнерусского общества, нежели византийским законодательным актам.

Другой отличительной особенностью формирования правовых традиций в России стало то, что после принятия на Руси князем Владимиром христианства в качестве официальной религии Русского государства, нормы светского права тесно переплетались с нормами религиозного порядка в т.н. номоканоны. Свод этих норм и правил являлся своего рода кормилом, которым управлялась церковь, уподоблявшаяся в стародавние времена кораблю. Из этого образа возникло другое название номоканона, утвердившееся впоследствии на Руси, — «кормчая книга». Наиболее известным, именуемым в исторической литературе номоканон является «Номоканон Фотия»⁸. В начале XI в. он был переведен на церковнославянский язык и стал самой авторитетной на Руси кормчей книгой.

На Руси византийское, а значит и древнеримское, правовое наследие не разделялось на светскую и церковную традиции, а воспринималось в качестве единой духовной

традиции. Данное обстоятельство служит указанием на то, что византийское правовое наследие скорее имело в древнерусском обществе идеологическое значение, нежели играло роль регулятора общественных отношений. Юридические тексты, созданные на Руси и отражавшие традиционное русское право, как-то договоры, княжеские уставы и грамоты, а также Русская правда, — излагались в отличие от византийских по своему происхождению текстов по-русски. Таким образом, правовое наследие Византии отделялось от традиционной русской правовой культуры языковым барьером.

История развития конституционализма в России нашла отражение в трудах историков русского права второй половины XIX в.⁹ и рассматривалась ими прежде всего через анализ функционирования государственно-правовых институтов. По их мнению, княжеская власть и народное вечевое представительство были двумя противоположными, но необходимыми друг для друга элементами власти: «с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой — главную силу князя составляет тот же народ»¹⁰. Основным источником, на который опирается в своем взаимодействии народ-власть-князь, становится договор. Договорным началом проникнут весь государственный быт, им определяются и отношения между князьями. Это достаточно интересная и малоизученная сторона развития властеотношений в Российском государстве. Таким образом, «теории родового быта» С.М. Соловьева противопоставлялась «теория равного достоинства князей» В.И. Сергеевича, но наибольшее распространение и признание получила «общинная теория» А.Д. Градовского.

Общинная теория в истории Российского государства нашла свое отражение и в работах современных исследователей. Профессор Г.В. Мальцев справедливо подчеркивал: «Будучи крупной и сложной по структуре формой социальной организации, община могла существовать лишь при наличии высокоразвитой системы самоуправления. В крестьянской общине данная система представляла собой результат эволюционного развития древнейших самоуправленческих потестарных институтов, была преемницей народоправия, почти универсального явления во времена Древней Руси»¹¹. Таким образом, властеотношения в Древней Руси сформировались задолго до возникновения Московского государства, и их специфика общинного характера позволяет говорить об особой форме зарождающегося на Руси конституционализма этого периода.

Следующим важным аспектом формирования конституционных ценностей в России — стало народное представительство. До конца XVIII в. в России сохранились органы, которые носили элементы представительных учреждений. Таковыми органами были земские соборы, в состав которых входили представители различных сословий. Понятие «земский конституционализм» вошел в политический обиход в начале XX в. Под ним подразумевалось такое направление земской общественно-политической и теоретической деятельности, которая ставила целью постепенную замену самодержавия конституционно-правовым государством посредством реформ

⁶ См.: Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977.

⁷ См.: Повесть временных лет по лаврентьевскому списку // ПСРЛ. М., 1997. Т.I. Стлб. 34.

⁸ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905.

⁹ См.: Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867; Градовский А.Д. Государственный строй древней России // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1899; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Вып. 1: История русского государственного права. Киев, 1886; и др.

¹⁰ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 53.

¹¹ Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России. М., 2010.

существующего государственного строя, совместными усилиями правительства и либерального общества. Как справедливо заметил проф. С.Н. Бабурина, под впечатлением от русской революции 1905 г. и под влиянием конституционно-правовых идей Запада в российском обществе росло стремление к восстановлению на новом историческом этапе органов народного представительства (с. 144). В то же время, по меткому замечанию С.Н. Бабурина, Манифест от 17 октября 1905 г. с трудом можно отнести к конституционному акту «искренне заблуждавшихся» либералов. Однако земскими конституционалистами называли себя все сторонники решительных политических перемен, ставившие перед собой задачу добиться от власти созыва, избранного всеобщим голосованием народного представительства. Парламентаризм в России чаще рассматривался в качестве идеи народного представительства и одной из форм конституционного строя, что воспринималось как ключевой момент и основа конституционализма.

Достаточно красочное и содержательное выражение сущности парламентаризма, напрямую связанное с народным представительством, формулирует проф. А.Д. Керимов: «Парламентаризм неправомерно рассматривать исключительно как определенную форму правления и (или) как определенный государственный режим. Содержание этого понятия включает в себя и некий, чрезвычайно значимый идеолого-мировоззренческий аспект, систему представлений и убеждений, аксиологических установок, ценностных ориентаций относительно должной организации и должного функционирования государственного механизма»¹². Обращение к теории и практике конституционализма в России начала XX в. вызывает необходимость определить не только понятие конституционализма в различные исторические эпохи, но и тип конституционализма, который существовал в государственно-правовых и социально-политических реалиях того времени. Государствоведы либерального направления подчеркивали, что Основные законы 1906 г. свидетельствовали о возникновении в России *октроированного конституционализма* с дуалистической монархией¹³.

Монография С.Н. Бабурина имеет особую научную значимость, так как на высоком методологическом уровне обосновывает основные духовные принципы и ценности нации, включая правосознание нравственного выбора. В ней автор обосновывает тезис о том, что правосознание нравственного выбора всего народа определяется культурно-историческими традициями и обычаями соответствующей цивилизации, те ценности, из которых складывается не только конституционализм и государственность, но и морально-нравственные установки личности, духовная самобытность нации и историческая самоопределяемость народа (с. 162–168). Начало этому положено в анализе сущности религиозного правосознания. Здесь приведем слова известного русского философа И.А. Ильина: «Ныне, на наших глазах, новый мир повторяет путь древнего страдания; новый опыт дает старые выводы. Эти выводы снова учат тому, что самопознание и самосовершенствование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации; они учат тому, что внутреннее разложение индивидуальной души делает невозможным общественное устройство и что разложение общественной организации ведет жизнь народа к позору и отчаянию. Жизнь человека оправдывается только тогда, если душа его живет из единого, предметного центра — движимая подлинной любовью к Божеству, как верховному

благу»¹⁴. Религия наряду с моралью гораздо раньше, чем право, стала регулятором различных социальных систем и отношений, а религиозное мировоззрение выполняет функцию нормативного осознания действительного мира. В качестве иллюстрации, можно привести пример слияния обычного семейного права осетин и церковного права Российской Империи, свидетельствующий о взаимообусловленности норм церковного и светского права. После присоединения Осетии к Российской Империи правовая система осетин подверглась серьезным изменениям, прежде всего в брачно-семейных отношениях, которые отражали культуру и национальную самобытность этого народа. Нормы церковного права Российской Империи, регулирующие брачные отношения, включались в правовую систему государства, а «внедрение российского права повлекло превращение семейного права осетин в публично-правовую сферу, в рамках которой регулирование всех отраслей института семьи должно было происходить под юрисдикцией и церкви и государства»¹⁵.

Отмечая тот факт, что религиозные изыскания человечества проявлялись еще в древнем обществе, прежде всего следует акцентировать внимание на том, что религия наряду с моралью и правом всегда была и остается нормативно-регулятивной системой, имеющей «ценностно-содержательное и структурно-функциональное единство норм, идей и отношений, способных вносить порядок и гармонию в общественную деятельность»¹⁶. Этот бесспорный факт, подтверждается еще одним небезынтересным тезисом проф. С.Н. Бабурина, высказанным им в обсуждаемой монографии, о том, что нравственность общества и государства во многом зависит от процессов национальной идентичности, рассматриваемой как осознанная самоличность (с. 168). Возможно даже, что каждое государство обладает своим символом идентичности¹⁷, постепенно проявляющийся в течение многих столетий. Люди, ассоциируя себя с той или иной общностью, пытаются найти подтверждение особенностям своего поведения не только в психологических составляющих, но и в факторах, их обуславливающих. В античные времена люди не слишком интересовались проблемой национального самосознания, так как на первом месте стояли проблемы поважнее: прокормить себя и семью, отстоять свою честь и достоинство перед лицом общины или не погибнуть при очередной войне. Однако уже в XVI в. эта проблема стала предметом научных изысканий. Стефан Гуазо в 1574 г., объясняя национальные различия, сделал следующее заявление: «С этим ничего не поделаешь, но вы должны... думать, что каждая нация, земля и страна, по природе места, климату небес и влиянию звезд обладает определенными достоинствами и определенными пороками, которые являются

¹⁴ Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 35.

¹⁵ Даева Т.Т. Исторические аспекты взаимодействия семейного права осетин и церковного права Российской империи // Юрид. наука. 2021. № 12. С. 103–106.

¹⁶ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 409.

¹⁷ См.: Canetti Elias. Crowds and power. New York, 1960. P. 191–203 (В случае Англии, утверждал он, эту функцию взяло на себя море, в то время как для немцев это был лес. С другой стороны, во Франции именно Революция сыграла эту самую роль. А в Швейцарии — случай, который Канетти, вероятно, лучше всего знал по собственному опыту, — это были горы).

¹² Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2007. С. 74.

¹³ См.: Мамитова Н.В. Указ. соч.

правильными, естественными и вечными»¹⁸. В различные эпохи у людей формировались разные, а порою и вовсе противоречащие друг другу, взгляды на место природы в становлении национального самосознания. Но помимо природных факторов большинство исследователей сходились на мнении о том, что первостепенное влияние на формирование менталитета играют религия, традиции и законы¹⁹.

Продолжая рассуждать о книге С.Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма», затронем аспект формирования в обществе конституционного правосознания и рассмотрим его как одну из фундаментальных ценностей конституционализма, тем более что автор обращается к этой проблеме не только в вышеуказанной монографии²⁰. На наш взгляд, конституция может выполнять интегративную функцию, только благодаря тому, что в ней концентрируются юридические нормы, питаемые не только и не столько правовыми, но и культурными, национальными, историческими и нравственными истоками. Даже в советский период государствоведы отмечали, что конституционные нормы в наибольшей степени концентрируют правовое, политическое и нравственное начало²¹. Бесспорно, любая конституция оказывает непосредственное или опосредованное воздействие на поведение человека, участвует в формировании его мировоззрения, убеждений, ценностей, жизненных установок, чувств и эмоций, другими словами, привносит в самосознание личности и общества организующее начало, структурируя его и формируя конституционное правосознание. По нашему глубокому убеждению, конституционному правосознанию, в частности, как и правосознанию в целом, должна быть присуща некоторая константа, которая при любых экономических, политических и иных изменениях воспроизводит некий тип отечественного национального правового мышления, выступающего основой российской правовой традиции, и связанного с нравственными ценностями общества и государства. Первостепенное значение в формировании такой традиции должны играть национальное образование и наука. Этому важнейшему аспекту уделил внимание и дал подробный анализ в исследуемой монографии проф. С.Н. Бабурина, посвятив ему главу под названием: «Духовно-нравственный фактор науки и национального образования». Это весьма важный и объемный, а также всеобъемлющий, ценностный ориентир развития российского конституционализма и государственности, именно по этой причине оставим его изучение для будущих изысканий и обсуждений книги С.Н. Бабурина.

Что же касается формирования конституционного правосознания, то отметим, что в период конституционно-правовых реформ и преобразований особенно ярко ощущается недостаточно развитый уровень конституционного правосознания, отличающийся противоречивостью и радикальностью. Это, на наш взгляд, обусловлено прежде всего разрывом единого духовно-правового пространства, когда ранее господствовавшие правовые ценности оказываются

отвергнутыми, а в отношении новых еще не сложился общесоциальный консенсус²².

Таким образом, автор данной статьи рассматривает конституционное правосознание шире, чем отношение личности и общества к конституционным нормам, институтам и Конституции в целом. Специфика российского конституционного правосознания заключается в отношении наследия к тем конституционным традициям, идеям, ценностям и их историческим проявлениям в практике конституционного строительства, которые формируются в течение длительного периода времени. Конституционное правосознание и конституционализм взаимосвязаны между собой, являясь взаимообуславливающими явлениями, влияющими друг на друга, которые основаны на национально-культурных особенностях общества, самоидентичности личности, укоренившихся в сознании и психологии российского народа, его исторических, юридических и этических традиций, а также нравственных ценностях²³.

Иллюстрацию вышеуказанных подходов к конституционному правосознанию, как части правосознания общества находим в монографии С.Н. Бабурина, соглашаясь с тезисом о том, что конституционное право «призвано стать основой для слаженного и целенаправленного взаимодействия всех государственных органов в вопросах укрепления в обществе духовно-нравственных начал, в функционировании структуры государства на нравственных принципах. С огромным трудом духовно-нравственные ценности пробивают себе путь в число правовых категорий, становящихся конституционными нормами» (с. 184). Конституционная реформа 2020 года отчасти была направлена на закрепление некоторых традиционных ценностей русского общества, усилив культурно-историческую и религиозно-нравственную специфичность Основного Закона, закрепив в нем национальную и конституционную идентичность. Участники рабочей группы по разработке поправок 2020 года к Конституции РФ так интерпретируют феномен национальной конституционной идентичности: «по мере своего «взросления» общество формирует устойчивую и непротиворечивую систему фундаментальных правовых принципов, основанных на признанных этим обществом ценностях. Такие прочные опоры позволяют в дальнейшем комплексно развиваться и осуществлять самонастройку, логически и нравственно выверенное совершенствование национальной правовой системы, прежде всего ее основы — конституции»²⁴. Что же это за опоры? Бесспорно, они зиждутся на приоритете национального компонента в праве, формируя новые стратегии развития конституционализма. В частности, в результате конституционной реформы 2020 года появились поправки о культуре как уникальном наследии многонационального народа, сохранении этнокультурного и языкового многообразия, памяти предков, веры в Бога, исторической правды, памяти защитников Отечества, традиционных для России семейных ценностей и некоторые другие²⁵. Таким образом, очевидно, что на смену либеральным ценностям прав и свобод личности приходят ценности национальной идентичности, закрепленные конституционно. Современная

¹⁸ Цит. по: *Циммер Оливер*. В поисках естественной идентичности: альпийский ландшафт и реконструкция швейцарской нации // Сравнительные исследования в обществе и истории. 1998. Т. 40. № 4. С. 637–665. URL: <https://www.jstor.org/stable/179305>

¹⁹ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М., 2021.

²⁰ См.: *Бабурина С.Н.* Интеграционный конституционализм.

²¹ См.: *Фарбер Е.И.* Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 123–139.

²² См. подр.: *Мамитова Н.В.* Указ. соч.

²³ См.: там же.

²⁴ *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 18.

²⁵ См.: там же. С. 22.

реальность нравственных ценностей конституционализма воплощается в новой национальной модели конституции, отражающей государственно-национальную идентичность России. Такая модель должна учитывать накопленный исторический опыт, социокультурные коды, нравственные приоритеты и идеалы общества. Новые конституционные модели чаще всего возникают на переломных этапах исторического развития, отражая «определенное мировоззрение и уровень правового сознания в обществе, особенности социального и политико-правового развития страны...», образуя «каркас» для регулирования общественного и государственного, конституционного строя»²⁶. По мнению проф. С.Н. Бабурина, внесение конституционных поправок 2020 года — только начало процесса конституционного реформирования России (с. 191).

Ознакомление с монографией С.Н. Бабурина подводит к мысли о развитии глобальных процессов, протекающих в мире на современном этапе, которым также подвержены национальные государства. Речь пойдет о цифровом государстве и цифровом обществе.

В 2017 г. была разработана и принята стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»)²⁷. Цифровое или информационное общество — общество, в котором межчеловеческие коммуникации заменяются «цифрой». Основной построения информационного общества должна стать цифровая идентификация и аутентификация граждан. Человек, входящий в новую систему предоставления информационных и коммуникационных услуг должен принять и постоянно использовать уникальный пожизненный и посмертный идентификатор личности (цифровое имя в системе), а также использовать для этого биометрические параметры человека. Таким образом, человек из субъекта общественных отношений превращается в объект жесткого управления системой²⁸. Необходимо отметить, что, по мнению проф. С.А. Авакьяна, внедрение единой системы электронной идентификации и аутентификации личности грубейшим образом нарушает конституционные права и свободы человека (в первую очередь ст. 2, 3, 15, 18, 21–24, 28, 29, 32 и др. Конституции РФ), несет угрозу национальной безопасности и независимости Российской Федерации²⁹.

Другая проблема — внедрение искусственного интеллекта. Для человека уже не совсем целесообразно выполнять все данные ему задачи самостоятельно и вручную. Появляется потребность в замещении человеческих ресурсов в отдельно взятых сферах, а следовательно, и создание искусственного интеллекта для увеличения эффективности и продуктивности деятельности человека. Несмотря на то что цифровизация проникла во многие сферы жизни человека, но точного и однозначного определения искусственного интеллекта не появилось. Учитывая то, что впервые понятие «искусственный интеллект» появилось в законодательстве совсем недавно, а именно в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г.

№ 123-ФЗ³⁰, это понятие все же отражает характеристику искусственного интеллекта с технической точки зрения, поэтому ни в российском праве, ни в мировой практике дефиниции «искусственный интеллект» не существует. Таким образом, в самых общих чертах под искусственным интеллектом следует понимать способность автоматизированных систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека. К ним можно отнести выбор и принятие решений на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий. Более того взаимодействие человека и искусственного интеллекта порождает и многие другие проблемы правового, нравственного и этического содержания, на которых не позволяется подробно остановиться объем данной статьи.

Очевидно, что справиться со многими проблемами, связанными с цифровизацией Российского государства и имеющими в своей основе объективный характер, без применения цифровых технологий не представляется возможным. Мы видим, что в эпоху цифровизации роль государства трансформируется, а в наиболее радикальных взглядах реформаторов государство должно отмереть вовсе, и на смену власти народа придёт власть цифры.

Для того чтобы Российская Федерация находилась на достойном уровне в развитии международного сообщества, не выбилась из прогрессивного мирового развития в целом, превратившись в страну «третьего мира», была конкурентоспособна, «цифровое государство» должно и будет развиваться! Это реальность!

Однако у данной реальности существуют и мифические стороны: возможно ли заменить цифровой — суверенитет государства и межнациональные отношения; «умным контрактом» — согласительные процедуры и человеческие коммуникации; искусственным интеллектом — высокий профессионализм личности и правовое сознание общества? Ответ на этот вопрос очевиден: никогда. История Российского государства знает много имен реформаторов и их радикальных идей и проектов, загоняющих страну в тупик, и толкающих народ в пропасть. Только взвешенный и разумный подход, основанный на понимании и учитывающий многовековые российские ценности и традиции, позволяющий принимать продуманные и политически грамотные государственные решения, не позволит реальности стать мифом³¹.

* * *

Таким образом, подводя промежуточные итоги научной дискуссии о предложенной проф. С.Н. Бабуриным теории нравственного государства, отметим некий скептицизм научного сообщества о возможности построения такого государства вообще и в частности³². Но в то же время «последовательно, терпеливо и неотступно тшиться... претворять

²⁶ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 17.

²⁷ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

²⁸ См. подр.: Мамитова Н.В., Селиверстова А.Д. Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 2. С. 16–23.

²⁹ См.: Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

³⁰ См.: Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2020. № 17, ст. 2701.

³¹ См.: Мамитова Н.В. Цифровое государство: основные подходы и решения // Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации / под ред. С.А. Комарова. М., 2022. С. 164–184.

³² См. подр.: Станкевич З.А. Указ. соч. С. 238–245.

ее в жизнь крайне важно и оттого необходимо»³³. На наш взгляд, достоинство теории нравственного государства заключается прежде всего в том, что идея социальной консолидации российского общества, четко обозначенная и всесторонне проанализированная проф. С.Н. Бабуриным, позволяет гармонизировать и научно осмыслить теорию нравственного государства. И эта консолидация возможна лишь при опоре на нравственно-духовные идеалы и культурно-исторические традиции. Ведь нравственным сможет стать только то государство, которое будет населять высококонравственное общество, люди, либо достигшие понимания и следующие морально-нравственным постулатам, установкам и идеалам, претворяя их в повседневной жизни, либо стремящиеся к этим идеалам. Стоит поддержать тезис проф. А.Д. Керимова о неизбежности наступления новой эпохи — «эпохи пострыночных, посткапиталистических отношений, постэкономических или постматериальных потребностей, постбуржуазной морали, ценностей, установок и идеалов»³⁴. В подобных условиях ценность новых идей, теорий и концепций, безусловно, возрастает. Такому новому научному осмыслению культурно-нравственных ценностей Российского государства посвящена монография проф. С.Н. Бабурина «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма».

Главная ценность научного труда проф. С.Н. Бабурина состоит не только в том, что на основе историко-философского осмысления прошлого он формирует новый взгляд на проблемы государственно-правового и общественно-политического развития Российской Федерации, конструируя концепцию нравственного государства, но и в том, что его книга позволяет размышлять, рассуждать и высказываться о предлагаемых автором идеях, которые раскрывают смысл духовно-нравственных ценностей в конституционализме, создает платформу для проведения интересных научных дискуссий и высказывания разнообразных мнений, а также заставляет *думать* и задумываться о дальнейших путях развития Российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. М., 2020.
3. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / предисл. И.М. Рагимова. М., 2020. С. 36, 136, 138, 142, 144, 162–168, 184, 191, 240.
4. Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Вып. 1: История русского государственного права. Киев, 1886.
6. Градовский А.Д. Государственный строй древней России // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1899.
7. Дауева Т.Т. Исторические аспекты взаимодействия семейного права осетин и церковного права Российской империи // Юрид. наука. 2021. № 12. С. 103–106.
8. Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 35.
9. Исторические силуэты. Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. Ростов н/Д., 1998.
10. Керимов А.Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 12–23.
11. Керимов А.Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина // Государство и право. 2022. № 1. С. 98–109.
12. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2007. С. 74.
13. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М., 2002.
14. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
15. Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России. М., 2010.
16. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 409.
17. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977.
18. Мамитова Н.В. Теория российского конституционализма: теория и современность. М., 2005.
19. Мамитова Н.В. Цифровое государство: основные подходы и решения // Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации / под ред. С.А. Комарова. М., 2022. С. 164–184.
20. Мамитова Н.В., Селиверстова А.Д. Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 2. С. 16–23.
21. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 2021.
22. Платон. Собр. соч. Т. 1 «Государство». М., 1971.
23. Платон. Соч.: в 3 т. «Апология Сократа». М., 1968.
24. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
25. Повесть временных лет по лаврентьевскому списку // ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стлб. 34.
26. Рагимов И.М. Современная диалектика государства и нравственности С.Н. Бабурина. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111.
27. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 53.
28. Станкевич З.А. Нравственное государство или все-таки новая теократия? Полемика заметки в связи с очередной концепцией российской государственности // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2. С. 238–245.
29. Фарбер Е.И. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 123–139.
30. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 18, 22.
31. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 17.
32. Циммер Оливер. В поисках естественной идентичности: альпийский ландшафт и реконструкция швейцарской нации // Сравнительные исследования в обществе и истории. 1998. Т. 40. № 4. С. 637–665. URL: <https://www.jstor.org/stable/179305>
33. Керимов А.Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина. С. 103.
34. Керимов А.Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 12–23.
35. Canetti Elias. Crowds and power. New York, 1960. P. 191–203.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Information space of knowledge, digital world and Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 7. P. 23–28 (in Russ.).
2. *Baburin S.N.* Integrative constitutionalism. M., 2020 (in Russ.).
3. *Baburin S.N.* Moral State: Russian view on the values of constitutionalism / preface by I.M. Ragimov. M., 2020. P. 36, 136, 138, 142, 144, 162–168, 184, 191, 240 (in Russ.).
4. *Beneshevich V.N.* Canonical collection of XIV titles from the second quarter of the VII century to 883 On the Ancient History of the Sources of the Law of the Greek-Eastern Church. St. Petersburg, 1905 (in Russ.).
5. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Issue 1: History of Russian State Law. Kiev, 1886 (in Russ.).
6. *Gradovsky A.D.* The State system of ancient Russia // Gradovsky A.D. Collected works: in 9 vols. St. Petersburg, 1899 (in Russ.).
7. *Daueva T.T.* Historical aspects of the interaction of Ossetian family law and church law of the Russian Empire // Yurid. nauka. 2021. No. 12. P. 103–106 (in Russ.).
8. *Ilyin I.A.* On the essence of legal consciousness / preparation of the text and introduction art. I.N. Smirnov. M., 1993. P. 35 (in Russ.).
9. Historical silhouettes. Socrates, Plato, Aristotle, Seneca. Rostov n/D., 1998 (in Russ.).
10. *Kerimov A.D.* Capitalism and democracy // Questions of philosophy. 2019. No. 4. P. 12–23 (in Russ.).
11. *Kerimov A.D.* Morality, the state, capitalism: reflections on the theory of the moral state S.N. Baburin // State and Law. 2022. No. 1. P. 98–109 (in Russ.).
12. *Kerimov A.D.* The modern state: questions of theory. M., 2007. P. 74 (in Russ.).
13. *Kravets I.A.* Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice). M., 2002 (in Russ.).
14. *Kudryavtsev V.N.* Law and Behavior. M., 1978 (in Russ.).
15. *Maltsev G.V.* Peasant community in the history and fate of Russia. M., 2010 (in Russ.).
16. *Maltsev G.V.* Moral foundations of law. M., 2008. P. 409 (in Russ.).
17. *Maltsev G.V.* Social justice and Law. M., 1977 (in Russ.).
18. *Mamitova N.V.* Theory of Russian constitutionalism: theory and modernity. M., 2005 (in Russ.).
19. *Mamitova N.V.* Digital state: basic approaches and solutions // Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization / ed. by S.A. Komarov. M., 2022. P. 164–184 (in Russ.).
20. *Mamitova N.V., Seliverstova A.D.* Digital state: problems of construction in the Russian Federation // Public service. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 16–23 (in Russ.).
21. *Montesquieu Sh.L.* On the spirit of laws. M., 2021 (in Russ.).
22. *Plato.* Collected works. Vol. 1 “The State”. M., 1971 (in Russ.).
23. *Plato.* Collected works: in 3 vols. “The Apology of Socrates”. M., 1968 (in Russ.).
24. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000 (in Russ.).
25. The Tale of bygone years according to the Laurentian list // PSRL. M., 1997. Vol. I. Stlb. 34 (in Russ.).
26. *Ragimov I.M.* Modern dialectics of the state and morality S.N. Baburin. The Moral State: Russian view on the values of constitutionalism // State and Law. 2020. No. 12. P. 106–111 (in Russ.).
27. *Sergeyevich V.I.* Veche and the Prince. The Russian state structure and administration in the time of the Princes Rurikovich. M., 1867. P. 53 (in Russ.).
28. *Stankevich Z.A.* The moral state or is it still a new theocracy? Polemical notes in connection with the next concept of Russian statehood // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 238–245 (in Russ.).
29. *Farber E.I.* Legal consciousness as a form of public consciousness. M., 1963. P. 123–139 (in Russ.).
30. *Khabrieva T. Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. M., 2020. P. 18, 22 (in Russ.).
31. *Khabrieva T. Ya., Chirkin V.E.* Theory of the modern Constitution. M., 2005. P. 17 (in Russ.).
32. *Tsimmer Oliver.* In search of natural identity: Alpine landscape and reconstruction of the Swiss nation // Comparative studies in society and history. 1998. Vol. 40. No. 4. P. 637–665. URL: <https://www.jstor.org/stable/179305> (in Russ.).
33. *Canetti Elias.* Crowds and power. New York, 1960. P. 191–203.

Сведения об авторе

МАМИТОВА Наталия Викторовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119571 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 84

Authors' information

MAMITOVA Natalia V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 76 Vernadsky ave., 119571 Moscow, Russia; Professor of the Department of State Studies of the Institute of Public Service and Management at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 84 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia